

УДК 94(470)

**ИНКОРПОРАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ИНСТИТУТОВ
ВО ВЛАСТНУЮ СТРУКТУРУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
И ПОСТ-ОРДЫНСКИХ ГОСУДАРСТВ****Роман Почекаев**

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
кафедра теории и истории права и государства,
198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ropot@mail.ru

В статье рассматриваются основные направления и механизмы инкорпорации мусульманских административных и правовых институтов в Улусе Джучи. Поскольку это государство включало регионы, в которых уже давно были распространены мусульманские традиции, отдельные проявления влияния ислама в государственной и правовой жизни Золотой Орды имели место уже на начальном этапе ее существования. Однако лишь после официального принятия ислама в качестве государственной религии ханом Узбеком 1320-е гг. мусульманские государственные и юридические институты становятся неотъемлемой частью политико-правовой системы Улуса Джучи, и их значение все более усиливалось по мере кризиса имперской государственности и права, начавшегося после распада Монгольской империи, а затем и ее наследников-государств Чингизидов. Соответственно, в пост-ордынских государствах роль ислама и мусульманских политико-правовых традиций стала еще значительнее.

Влияние мусульманских институтов в политической и правовой жизни Золотой Орды и пост-ордынских государств анализируется по ряду аспектов: участие представителей мусульманской администрации в осуществлении исполнительной власти (в т.ч. в сборе налогов), включение мусульманских судей-кади в судебную систему Улуса Джучи наравне с судьями-дзаргучи и постепенное вытеснение первыми последних, включение влиятельных представителей мусульманского духовенства в число участников курултая по избранию ханов и дополнение церемонии интронизации клятвой на Коране, активное участие мусульманских священнослужителей в дипломатической деятельности, а также в переговорах между соперничающими претендентами на трон в самих джучидских государствах.

Рост влияния ислама и мусульманского духовенства в поздней Золотой Орде и пост-ордынских государствах, несомненно, объясняется, с одной стороны, кризисом монгольской имперской государственности и права, а также и тем, что ряд государств – наследников Золотой Орды образовался на территориях, в которых существовала развитая городская (и, следовательно, мусульманская) культура, носители которой из числа влиятельных и авторитетных представителей духовенства в силу своей образованности и

авторитет среди местного населения не только обладали политическим значением в том или ином государстве, но и имели возможность внедрять мусульманские институты в систему власти, управления и правового регулирования джучидских государств.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, шариат, имперское право, налоги и сборы, судебная система, дзаргучи, кади.

Обращение хана Узбека в ислам и объявление ислама официальной религией Золотой Орды, до недавнего времени не вызывали сомнения исследователей. Однако в течение последних лет появился целый ряд работ, авторы которых (Д. Де Виз, В.П. Костюков и в особенности А.Г. Юрченко) выказали критическое отношение к этим источникам, которые они характеризуют либо как отражение устных мусульманских преданий, либо как выдачу мусульманскими историками желаемого за действительное [см. подробнее: 11; 27; 28; 30]. Между тем, на тот факт, что ислам официально был объявлен государственной религией Золотой Орды, проявился по целому ряду аспектов развития этого государства. В настоящей работе мы намерены проанализировать такое следствие провозглашения ислама в качестве официальной религии Золотой Орды как интеграция мусульманских институтов в систему золотоордынской государственной власти, а также проанализировать какие последствия эта интеграция имела в пост-ордынских тюрко-татарских государствах.

Безусловно, в отношении Золотой Орды многие построения могут быть сочтены гипотетическими – из-за недостатка собственно золотоордынских источников: официальных актов золотоордынского происхождения сохранилось всего несколько десятков, да и то многие из них – исключительно в русских и западноевропейских переводах; исторических же сочинений золотоордынского времени до нас вообще не дошло. Объективность же иностранных исторических сочинений – в первую очередь, арабских – подверглась небезосновательной критике со стороны исследователей. Тем не менее, анализ и этого ограниченного круга источников позволяет сделать некоторые выводы с помощью использования историко-правового подхода, т.е. юридического анализа сохранившихся правовых актов, документов неюридического характера, а также прослеживания эволюции изучаемых государственных и правовых институтов.

Считаем целесообразным проследить эту интеграцию по ряду направлений.

Во-первых, речь пойдет о включении представителей мусульманской администрации в систему исполнительной власти. На наш взгляд, наиболее ярко эта тенденция нашла отражение в участии мусульманских чиновников в сборе государственных налогов. Оно подтверждается содержанием ханских ярлыков, дошедших до нас в ори-

гинале, т.е. на тюркском языке, а не в русском или европейских переводах – ярлыке Токтамыша Бек-хаджи (1380 или 1381 г.), ярлыке Тимур-Кутлуга (1398 г.) и ярлыке Улуг-Мухаммада Туглу-баю и Хызру (1420 г.). Ярлыки являются тарханными, т.е. освобождают лиц, которым пожалованы, от уплаты всех или части государственных налогов. В числе адресатов, т.е. чиновников, которым приказано не брать налоги с пожалованных лиц, фигурируют представители мусульманской администрации – казии, муфтии, шейхи, суфии и пр. [см.: 6, с. 3; 18, с. 20–21; 31, с. 106].

Несомненно, в данном случае речь идет не о мусульманских налогах и сборах в пользу общины: эти налоги не взимались официальными ордынскими властями, следовательно, они не могли запретить или, напротив, предписать их взимание мусульманскими чиновниками. Соответственно, по всей видимости, имеются в виду именно установленные государством налоги с населения, проживающего в мусульманских городах и регионах страны. И если ранее они взимались специальными ханскими чиновниками, то после принятия ислама функции по их сбору были переданы представителям местной мусульманской администрации. В связи с этим нельзя не отметить, что малочисленность дошедших до нас джучидских официальных актов (равно как и полное отсутствие других аутентичных источников) не позволяет установить, имела ли эта тенденция место уже при первых джучидских ханах-мусульманах – Узбеке и Джанибеке. Косвенные сведения иностранных летописных источников позволяют предположить, что уже Джанибек мог привлекать мусульманских чиновников к отправлению официальных административных функций, включая и сбор налогов [см., напр.: 19, с. 128]. Ранний из ярлыков, в котором эти функции формально зафиксированы за мусульманскими чиновниками, ярлык Токтамыша 1380/1381 г., в принципе, не дает оснований для заключения о том, что именно при этом хане представители мусульманской администрации впервые были привлечены к такой деятельности. Следовательно, есть все основания полагать, что такая практика могла датироваться, по меньшей мере, 1350-ми годами [ср.: 24, с. 211–212].

Конечно же, одной из причин стало официальное принятие ислама Улусом Джучи. Другой же причиной могло стать то, что вследствие междоусобиц 1360–1370-х гг. («Замятни великой») в Золотой Орде была существенно разрушена система административного управления, уменьшился штат квалифицированных чиновников. Так что, передача функций имперских налоговых чиновников мусульманским могла в какой-то степени стать и вынужденной мерой – хотя и органично вписывавшейся в политику дальнейшего распространения и упрочения ислама в Золотой Орде. Несомненно, авторитет представителей мусульманского духовенства, традиционно обладавшего властью над исламским населением золотоордынских горо-

дов и областей, обуславливал эффективность действий по сбору налогов с соответствующей части ханских подданных.

Эта практика впоследствии сохранялась и в пост-ордынских государствах – в частности, в Крымском и Казанском ханствах XV–XVI вв. Среди адресатов тарханных ярлыков фигурируют представители духовенства, например, в ярлыках крымских ханов Хаджи-Гирея (1453) [12, с. 114; 13, с. 189; 31, s. 112], Менгли-Гирея (1467) [30, s. 115], Саадат-Гирея (1523) [6, с. 5], казанского хана Сахиб-Гирея [5; 16, с. 108–109; 31, s. 130]. Несомненно, эта практика свидетельствует не только о правопреемстве ханов этих государств от своих золотоордынских предшественников, но и о том, что ислам в них занимал, пожалуй, даже более сильные позиции, чем в Золотой Орде: на территории Казанского ханства еще со времен Волжской Булгарии, в Крымском же ханстве – в силу значительного влияния Османской империи и ее духовенства.

Интересно отметить, что в крымских ханских ярлыках конца XVI–XVII вв. элемент адресата фактически вообще исчезает – в т.ч. и упоминание представителей мусульманского чиновничества и духовенства [см., напр.: 20, с. 30–39]. По мнению М.А. Усманова, это было связано с «кодифицированием» обращения в ярлыках, с чем можно согласиться: с этого времени ханские ярлыки вносились в так называемые кади-аскерские тетради (сакки), что обусловило отсутствие в них ряда элементов, необходимых при издании ярлыков в качестве отдельных указов [24, с. 207, 270]. Естественно, это не означает, что мусульманское чиновничество было отстранено от своих административных обязанностей – напротив, именно к нему они с этого времени переходят практически в полном объеме. В тех же государствах, в которых практика издания отдельных ярлыков сохранилась, сохранилось и обращение в тарханных ярлыках к представителям мусульманского духовенства и чиновничества – так, сейиды и кади упоминаются, например, в ярлыках гораздо более поздних потомков золотоордынских ханов – среднеазиатских монархов, в частности, хивинских ханов XVII–XVIII в. [29, р. 12; 32, р. 12–15], являвшихся потомками Шибана б. Джучи.

Другим направлением инкорпорации мусульманского духовенства в систему власти и управления в Золотой Орде стало привлечение мусульманских судей – кади к участию в рассмотрении дел при центральной и региональной администрации. Конечно же, в мусульманских регионах Улуса Джучи кади действовали и до образования этого государства, и в нем до официального принятия ислама, однако их деятельность осуществлялась в рамках «политики невмешательства» золотоордынских властей в дела отдельных регионов. После же принятия ислама в качестве официальной религии кади занимают место в судебной системе Золотой Орды наравне с имперскими судьями-дзаргучи, о чем сообщают иностранные свидетели. В

частности, францисканец Иоганка Венгр в послании генералу своего ордена пишет о наличии в Башкирии как «татар, судей..., исполненных несторианской ереси», так и «зараженных сарацинским заблуждением» [1, с. 92]. Еще более известно сообщение Ибн Баттуты о суде при наместнике Хорезма Кутлуг-Тимуре, который ежедневно осуществляли в его дворце дзаргучи и кади, садившиеся друг напротив друга, что позволяло тяжущимся самим выбирать себе суд, который, по их мнению, мог более справедливо решить их дело [8, с. 76].

В этом сообщении обращает на себя внимание пребывание кади именно при дворе правителя, что, на наш взгляд, свидетельствует об их включении в официальную судебную систему Золотой Орды. Известно, что в мусульманских государствах Ближнего Востока (в первую очередь, в Арабском халифате) судьи-кади осуществляли свои обязанности не при дворе правителей-эмиров, а имели собственную резиденцию. Это было связано с тем, что эмир, как правило, управлял регионом в целом, тогда как кади, наравне с судебной функцией являлся и фактическим градоначальником. В крупных же городах (например, Багдаде) собственные кади имелись в разных частях города и даже отдельных кварталах [4, с. 272–274; 14, с. 23]. В мусульманских же государствах Средней Азии кади осуществляли судебную функцию как раз при дворе правителей, располагаясь в специальных залах их дворцов-резиденций. Это подтверждается как сообщениями современников [15, с. 36], так и результатами раскопок [3, с. 41].

Казалось бы, золотоордынские монархи следовали среднеазиатской мусульманской государственно-правовой традиции, размещая кади в своих резиденциях. Однако археологические данные позволяют сделать вывод, что и в Монгольской империи и ее улусах действовал тот же принцип: чиновники (в т.ч. и судейские) размещались в резиденции правителей [см., напр.: 7, с. 49–50]. Таким образом, не приходится сомневаться, что осуществление кади своих функций при дворе глав ордынской администрации наравне с дзаргучи наглядно свидетельствует об их интеграции в официальную судебную систему Золотой Орды.

В дальнейшем, по мере ослабления имперской административной традиции, роль судей-кади только возрастала, что можно увидеть на примере Крымского ханства. Прежде всего, вышеупомянутый факт внесения ханских волеизъявлений в кади-аскерские саки (вместо издания отдельных ярлыков) свидетельствует о возрастании роли мусульманских законоведов-практиков, в т.ч. и в государственной деятельности [24, с. 211]¹. Кроме того, любые попытки ханов

¹ Интересно отметить, что и в более поздних тюрко-монгольских государствах подобная практика имела место. Например, в Хивинском ханстве XIX в. кади регистрировали тарханные грамоты (ярлыки) ханов и даже ханские воле-

уменьшить власть и значение мусульманских судей за счет возрождения прежних судебных традиций терпели неудачу. Наиболее известным примером тому является попытка «судебной реформы» хана Мурад-Гирея в начале своего правления (ок. 1678–1679 гг.), когда он попытался заменить кади-аскера, т.е. верховного судью кади новым главой судебной системы – торе-баши, который бы выносил решения на основе старинного тюрко-монгольского права. Мусульманские судьи в союзе с влиятельными богословами очень быстро сумели убедить хана в бесперспективности его попытки [17; 21, с. 248].

Еще одним важным показателем инкорпорации мусульманских институтов в систему власти Золотой Орды стало официальное включение влиятельных представителей духовенства в число участников курултая, на которых, в т.ч. избирались ханы. И если в XIII – первой половине XIV в. попытки заставить ханов-Чингизидов клестись на Коране являлись до определенной степени экзотикой [см., напр.: 19, с. 16 (прим. 4)], то в поздней Золотой Орде и в особенности в пост-ордынских государствах (в частности, в Казанском, Касимовском и Бухарском ханствах XVI в.) это была уже стандартная процедура [см.: 2, с. 29; 9, с. 84; 22, с. 198; 25, с. 676].

Став же участниками политической жизни, представители мусульманского духовенства начали играть важную роль и во внешнеполитической деятельности, став, по сути, высокопоставленными дипломатами джучидских ханов. Первые такие единичные примеры известны, впрочем, еще со времен хана Узбека, однако в дальнейшем дипломатическая деятельность мусульманского духовенства стала более регулярной. На протяжении истории всех пост-ордынских государств влиятельные сейиды и мусульманские богословы неоднократно и сами отправлялись в иностранные государства с дипломатическими миссиями, и даже от собственного имени направляли послания иностранным государям. Правда, во многих случаях это было связано не только с их высоким авторитетом в государстве, но и с тем, что они, в отличие от большинства царевичей и представителей племенной аристократии, были грамотными и образованными людьми и умели эффективно вести переговоры [см.: 9, с. 190–192; 23, с. 571]. При этом далеко не всегда дипломатические переговоры осуществлялись именно с представителями других, зарубежных государств – порой представители духовенства использовали свой авторитет, чтобы установить мир и порядок в собственном государстве. Например, в середине XVI в. в вышеупомянутом Бухарском ханстве джуйбарские ходжи активно участвовали в междоусобицах членов правящей династии Шайбанидов (потомков Шибана, сына Джучи), выдвигая обоснования поддержки одних из них в ущерб другим

изъявления по поводу принадлежавшего им имущества (дарственные и пр.) [см.: 10, с. 31 (№ 86), с. 86 (№ 275)].

и выступая посредниками между враждующими родственниками-султанами при обсуждении условий заключения мира [2, с. 27–28].

Таким образом, можно отметить, что постепенное вовлечение представителей мусульманского духовенства во властную деятельность (начавшееся с довольно нейтрального привлечения писцов-кятибов) было весьма сложным и разносторонним процессом. Объясняется оно, во-первых, влиянием ислама и мусульманского духовенства в целом – во многом благодаря городской инфраструктуре, наиболее широко развитой именно в мусульманских регионах Золотой Орды и пост-ордынских государств. Это подтверждается, в частности и на примере Казахстана – еще одного пост-ордынского государства: его урбанизированные регионы (в частности, присырдарьинские города), связанные с оседлой культурой Средней Азии оказались в большей степени исламизированы (в т.ч. и в политико-правовой сфере), чем северные и западные, т.е. территория Среднего и Младшего жузов. И в то время, как в кочевых районах Казахского ханства преобладало «ханское» и обычное право, в городах ханы назначали мусульманских судей-кади [26, № 1, с. 82]. Во-вторых, рост политического и правового значения ислама и мусульманских представителей власти связан с кризисом имперской системы управления и необходимостью замены ее другим, не менее эффективным административным аппаратом. Представители мусульманского духовенства в силу своего признания и высокого авторитета среди населения (на основе давних традиций), могли, таким образом, успешно осуществлять властные полномочия без изыскивания дополнительных средств их легитимации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. № 3. 1940. С. 71–112.
2. *Ахмедов Б.А.* Роль джуйбарских ходжей в общественной жизни Средней Азии XVI–XVII веков // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука, 1985. С. 16–31.
3. *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 390 с.
4. *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М.: Наука, 1984. 344 с.
5. *Вахидов С.Г.* Ярлык хана Сахиб-Гирея // Вестник научного общества татароведения. № 1–2. Казань, 1925. С. 29–37.
6. *Григорьев В.В., Ярцов Я.О.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. Т 1. 1844. С. 337–346.

7. *Зиливинская Э.Д.* Монгольские элементы в усадебном домостроительстве Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы докладов международной конференции, Москва, 29 мая – 2 июня 1989 г. М.: Наука, 1989. С. 49–51.
8. *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 128 с.
9. *Исхаков Д.М.* Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.
10. Каталог хивинских казийских документов XIX – начала XX вв. / Сост. А. Урунбаев, Т. Хорикава, Г. Джураева, К. Исогай. Ташкент; Киото, 2001. 691 с.
11. *Костюков В.П.* Историзм в легенде об обращении Узбека в ислам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 67–80.
12. *Курат А.Н.* Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Пер. с тур. Р.Р. Галеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2014. 256 с.
13. *Малов С.Е.* Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. М., 1953. С. 187–195.
14. *Михайлова И.Б.* Средневековый Багдад. М.: Наука, 1990. 158 с.
15. *Мухаммад Наршахи.* История Бухары / Пер. с перс. Н. Лыкошина; под ред. В.В. Бартольда. Ташкент, 1897. 123 + II с.
16. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М.: Наука, 1967. С. 104–109.
17. *Почакаев Р.Ю.* «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008. М.: Восточная литература, 2009. С. 320–326.
18. *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. III. 1889 (отд. оттиск). 40 с.
19. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
20. *Смирнов В.Д.* Крымско-ханские грамоты. Симферополь, 1913. 39с.
21. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты в XVIII в. до присоединения его к России. М.: Рубежи XXI, 2005. 544 с.
22. *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
23. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.
24. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 319 с.

25. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М.: Инсан, 1996. С. 527–758.

26. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 696 с.

27. Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 368 с.

28. Юрченко А.Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.

29. Bregel Yu. Documents from the khanate of Khiva (17th–19th centuries). Bloomington: Indiana university, 2007. 73 p.

30. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: University Park, 1994. 638 p.

31. Melek Ozyetgin A. Altin Ordu, Kirim ve Kazan sahasina ait yarlik ve bitiklerin dil ve usluup incelemesi. Ankara, 1996. XII + 297 p.

32. Wood W. A collection of tarkhan yarliqs from the Khanate of Khiva // Papers on Inner Asia, No. 38. Bloomington: Indiana University, 2005. 55 + XI p.

Дата поступления статьи

20.11.2015 г.

Сведения об авторе: Почекаев Роман Юлианович – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. Инкорпорация мусульманских институтов во властную структуру Золотой Орды и пост-ордынских государств // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 115–127.

**INCORPORATION OF ISLAMIC INSTITUTIONS
INTO POLITICAL STRUCTURE OF THE GOLDEN HORDE
AND POST-GOLDEN HORDE STATES**

Roman Pochekaev

National Research University «Higher School of Economics» St. Petersburg,
Department of Theory and History of Law and State,
17 Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation
E-mail: opot@mail.ru

The article is dedicated to basic directions and mechanisms of incorporation of Islamic administrative and legal institutions into the Jochid Ulus. As this state

included regions with well developed Islamic traditions, individual manifestations of influence of Islam on political and legal realities of the Golden Horde took place since the first stage of existing of this state. However, only after official conversion of the Jochid ulus to Islam during the reign of Uzbek Khan (in the 1320s) Islamic political and juridical institutions became an integral part of state and legal structure of the Golden Horde. Their role substantially increased in the time of crisis of imperial state and legal system after disintegration of the Mongol Empire and then of its successors, the Chinggisid states.

Influence of Islamic institutions on political and legal relations of the Golden Horde and post-Golden Horde states became apparent in different aspects. At first, it was participation of representatives of Islamic administration in executive power including tax collection: such functions of them are confirmed by yarliks of khans of the Golden Horde, as well as of the Crimean and Kazan khanates. Secondly, Islamic judges, the qadis were integrated into court system of the Golden Horde and later, within the post-Golden Horde states, they even ousted imperial judges, the jarguchis. Third, powerful representatives of Islamic clergy became participants of qurultays, where the khans were elected, and the ceremony of enthronement was supplemented by the oath of a new khan on Koran under their influence. At last, Islamic clergymen participated actively in diplomatic activity of the post-Golden Horde states and acted as mediators between rivals who pretended for the throne in the Jochid states.

No doubts, the rise of influence of Islam and Islamic clergy in political and legal life of the later Golden Horde and post-Golden Horde states could be explained, from one side, by the crisis of the Mongol state and legal system. Besides that, some of the post-Golden Horde states arose on territories with well-developed urban (i.e. Islamic) culture, and their representatives, who were well-educated and had indisputable authority over local population, not only acquired the political influence in the Jochid states but also got an opportunity to integrate Islamic institutions into the state and legal system of these states.

Keywords: Golden Horde, Jochid ulus, Sharia, imperial law, taxes and duties, court system, jarguchi, qadi.

REFERENCES

1. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh i Vostochnoy Evrope [Reports of Hungarian Missionaries on the Tatars and Eastern Europe in the 13th–14th centuries]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], no. 3, 1940, pp. 71–112.
2. Akhmedov B.A. Rol' dzhuybarskikh khodzhey v obshchestvennoy zhizni Sredney Azii XVI–XVII vekov [Djuybar Khwadjas' Role in Socio-Political Affairs of the 16th–17th Centuries' Central Asia]. *Dukhovenstvo i politicheskaya zhizn' na Blizhnem i Srednem Vostoke v period feodalizma* [Clergy and Political Life in the Near and Middle East during the Feudal Age]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 16–31.
3. Belenitskiy A.M., Bentovich I.B., Bol'shakov O.G. *Srednevekovyy gorod Sredney Azii* [Medieval City of Central Asia]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 390 p.

4. Bol'shakov O.G. *Srednevekovyy gorod Blizhnego Vostoka. VII – seredina XIII v.: Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya* [Medieval City of Near East, 7th – middle of the 8th centuries: Social-Economical Relations]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 344 p.

5. Vakhidov S.G. Yarlyk khana Sakhib-Gireya [Yarlik of Khan Sakhib Girey]. *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniya* [Bulletin of Academic Society of Tatar Studies], 1925, no. 1–2, pp. 29–37.

6. Grigor'ev V.V., Yartsov Ya.O. Yarlyki Tokhtamysha i Seadet-Gireya [Yarliks of Toktamish and Seadet Girey]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of Odessa Society of History and Antiquities], t. 1, 1844, pp. 337–346.

7. Zilivinskaya E.D. Mongol'skie elementy v usadebnom domostroitel'stve Zolotoy Ordy (po materialam Nizhnego Povolzh'ya) [The Mongol Elements in Manor Building of the Golden Horde (based on materials of the Lower Volga region)]. *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka: Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 29 maya – 2 iyunya 1989 g.* [Linguistic Reconstruction and Ancient History of Orient: Abstracts of the International Conference, Moscow, May 29 – June 2, 1989] Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 49–51.

8. Ibragimov N. *Ibn Battuta i ego puteshestviya po Sredney Azii* [Ibn Battuta and His Travels in Central Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 128 p.

9. Iskhakov D.M. *Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [The Institution of Seyids in the Jochid Ulus and the Late Golden Horde States]. Kazan, Fen Publ., 2011. 228 p.

10. *Katalog khivinskikh kaziyskikh dokumentov XIX – nachala XX vv.* [Catalogue of Khivan Qadi Acts of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Comp. by A. Urunbaev, T. Khorikava, T. Fayziev, G. Dzhuraeva, K. Isogay. Tashkent; Kioto, 2001. 691 p.

11. Kostyukov V.P. Istorizm v legende ob obrashchenii Uzbeka v islam [Historicism in the Legend of Uzbek's Conversion to Islam]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)»* [Golden Horde Legacy. Proceedings of the International Conference “The Political and Social-Economic History of the Golden Horde (13th–14th centuries)”]. Vol. 1. Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 67–80.

12. Kurat A.N. *Topkapi Sarayi Muzesi Arxivindeki Altin Ordu, Kirim ve Turkistan Hanlarina Ait Yarlok ve Bitikler*. Istanbul, 1940 (Russ. ed.: Kurat A.N. *Sobranie sochineniy. Kn. 1. Yarlyki i bitiki khanov Zolotoy Ordy, Kryma i Turkestana v arkhive muzeya dvortsa Topkapy* [Collected Writings. Book 1. Yarliks and Bitiks of the Khans of the Golden Horde, Crimea and Turkestan in the Archive of Topkapi Palace Museum]. Transl. by R.R. Galeev. Kazan, Institute of History of Academy of Science of Republic of Tatarstan, 2014. 256 p.)

13. Malov S.E. Izuchenie yarlykov i vostochnykh gramot [Study of Yarliks and Oriental Acts]. *Akademiku V.A. Gordlevskomu k ego semidesyatiletiyu. Sbornik statey* [For Academician V.A. Gordlevskiy on the Occasion of His 70th Anniversary: Collected Works]. Moscow, Academy of Science of USSR Press, 1953, pp. 187–195.

14. Mikhaylova I.B. *Srednevekovyy Bagdad* [Medieval Baghdad]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 158 p.
15. Mukhammad Narshakhi. *Istoriya Bukhary* [History of Bukhara]. Transl. by N. Lykoshin, ed. by V.V. Bartol'd. Tashkent, 1897. 123 + II p.
16. Mukhamed'yarov Sh.F. Tarkhanny yarlyk kazanskogo khana Sakhib-Gireya 1523 g. [Tarkhan Charter of Kazan Khan Sakhib Girey]. *Novoe o proshlom nashey strany. Pamyati akademika M.N.Tikhomirova* [Something New on the Past of Our Country: In Memoriam of Academician M.N. Tikhomirov]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 104–109.
17. Pochekaev R.Yu. «Sudebnaya reforma» krymskogo khana Murad-Gireya [The “Court Reform” of the Crimean Khan Murad Girey]. *Tyurkologicheskiy sbornik 2007–2008* [Turkological Collection 2007–2008]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009, pp. 320–326.
18. Radlov V. Yarlyki Tokhtamysha i Temir-Kutluga [Yarliks of Toktamish and Timir-Kutlug]. *Zapiski Vostochnogo otdela Russkogo arkhologicheskogo obshchestva* [Notes of Oriental Department of the Russian Archaeological Society], vol. III, 1889 (separate reprint). 40 p.
19. Romaskevich, A.A., Volin, S.L. (eds.). *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. T. II. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V. G. Tizengauzenom* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 2. Extracts from Persian Writings Collected by V.G. Tiesenhausen]. Moscow, Leningrad, Academy of Science of USSR Publ., 1941. 288 p.
20. Smirnov V.D. *Krymsko-khanskie gramoty* [Charters of the Crimean Khans]. Simferopol, 1913. 39 p.
21. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhoventvom Ottomanskoj porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under Suzerainty of the Ottoman Porte till the beginning of the 18th century]. Moscow, Rubezhi XXI, 2005. 544 p.
22. Sultanov T.I. *Podnyatye na beloy koshme. Potomki Chingiz-khana* [Risen on a White Felt. The Descendants of Chinggis Khan]. Almaty, Dayk-Press, 2001. 276 p.
23. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogaiskoi Ordy* [History of the Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 752 p.
24. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan State Universitet Publ., 1979. 319 p.
25. Khudyakov M.G. Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the History of Kazan Khanate]. *Na styke kontinentov i tsivilizatsiy: Iz opyta obrazovaniya i raspada imperiy X–XVI vv.* [At the Junction of Continents and Civilizations: From Experience of Creation and Disintegration of Empires of the 10th–16th centuries]. Moscow, Insan, 1996, pp. 527–758.
26. Yurchenko A.G. *Zolotaya Orda: mezhdue Yasoy i Koranom (nachalo konflikta). Kniga-konspekt* [The Golden Horde: Between Yasa and Koran (Beginning of Conflict). Compendium Book]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 368 p.
27. *Epistulyarnoe nasledie kazakhskoi pravayaschey elity 1675–1821 godov* [Epistolary Legacy of the Kazakh Ruling Elite of 1675–1821]. Intr., biogr. essays, comments and ed. by I.V. Erofeeva. Vol. I. *Pis'ma kazakhskikh praviteley*

1675–1780 gg. [Lettres of Kazakh Rulers, 1675–1780]. Almaty: ABDI Company, 2014. 696 p.

28. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek: Mezhdur imperiey i islamom (strukturny povsednevnosti). Kniga-konspekt*. [Khan Uzbek: Between Empire and Islam (Structures of Everyday Life). Compendium Book]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 400 p.

29. Bregel Yu. *Documents from the khanate of Khiva (17th–19th centuries)* (Papers on Inner Asia, No. 40). Bloomington, Indiana University Publ., 2007. 73 p.

30. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Babatukles and conversion to Islam in historical and epic tradition*. Pennsylvania, University Park, 1994, 638 p.

31. Melek Ozyetgin A. *Altin Ordu, Kirim ve Kazan sahasina ait yarlik ve bitiklerin dil ve usluu incelemesi*, Ankara, 1996. XII + 297 p.

32. Wood W. *A collection of tarkhan yarliqs from the Khanate of Khiva* (Papers on Inner Asia, No. 38). Bloomington, Indiana University Publ., 2005. 55 + XI p.

Received November 20, 2015

About the author: Pochekaev Roman Yulianovich – Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University «Higher School of Economics» St. Petersburg (17 Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation).

For citation: Pochekaev R.Yu. Incorporation of Islamic Institutions into Political Structure of the Golden Horde and post-Golden Horde States. *Golden Horde Review*, 2016, no. 1, pp. 115–127.